

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XX

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Москва

2019

УДК 811.16/811.17+39
ББК 81
Б 207

Редакционная коллегия:

А. В. Андронов, П. М. Аркадьев, Б. Вимер, П. У. Дини, В. А. Дыбо (отв. редактор серии), М. В. Завьялова (секретарь), К. А. Кожанов, Б. Лаумане, Е. Л. Назарова, М. В. Ослон, С. И. Рыжакова, Б. Стунджа, Т. М. Судник, А. Хольфут, Т. В. Цивьян, У. Шмальшитис

Оригинал-макет:

С. Г. Болотов

Б 207 Балто-славянские исследования—XX: Сб. науч. трудов. — М., 2019. — 480 с. DOI: 10.31168/2658-5766.2019.20

ISSN-13: 977-2658-576-00-8

ISSN-8: 2658-576-6

DOI: 10.31168/2658-5766

В сборнике представлены статьи ведущих специалистов в области балто-славянских языковых и этноязыковых контактов из России, Белоруссии, Литвы, Чехии, Германии. Статьи посвящены актуальным проблемам акцентологии и морфологии балтийских языков, балтийской и славянской диалектологии, этимологии, восточнославянской и балтийской мифологии. Темы, затронутые в сборнике, актуальны не только для славистов, балтистов, индоевропеистов, но и для лингвистов, фольклористов, этнологов, историков широкого профиля.

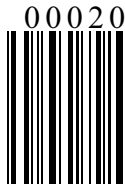
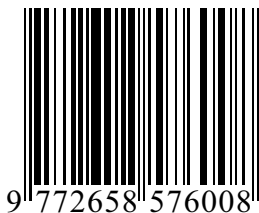
На фронтисписте — Фото Вяч. Вс. Иванова (Ю. Будрайтис, 16 июня 2009 г.).

ISSN 2658-5766

00020>

УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

9 772658 576008

© Авторы статей, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© С. Г. Болотов, оригинал-макет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Дыбо, С. А. Крылов.</i> Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017)	8
<i>П. М. Аркадьев, И. Б. Иткин.</i> Аблаут в литовских отглагольных именах: к описанию синхронного распределения. II	28
<i>С. Л. Николаев.</i> Реконструкция акцентных классов балто-славянских тематических глаголов с корнями на шумный. II. Акцентуация отглагольных производных с суффиксами *-tlo- (*-dhlō-), *-to-, *-sto- и *-tā- ...	41
<i>С. Г. Болотов, М. В. Ослон.</i> «Правило Лескина–Отрембского–Смочиньского» и мнимые исключения из закона де Соссюра	55
<i>М. Н. Саенко.</i> Периодизация истории праславянского субстантивного склонения	92
<i>Б. Вимер, К. А. Кожанов, А. Эркер.</i> Корпус славянских и балтийских говоров <i>TriMSo</i> : структура, цели и примеры применения	122
<i>Е. А. Сведенцова.</i> Сериализованные конструкции в старославянском языке ...	144
<i>В. Блажек.</i> Славянское * <i>tešьka</i> ‘медведица’	200
<i>Р. А. Агеева.</i> Синие камни в традиционной культуре восточных славян	207
<i>Д. Разаускас.</i> Символика отношения «рыба–птица» и его метафизические контексты	237
<i>Н. Лауринкене.</i> Мифический образ неба в балтийской традиции	292
<i>Т. В. Володина.</i> Люди и <i>хозяйева</i> : стратегии и регулирование межмирной коммуникации в представлениях белорусов Поднепровья	317
<i>В. А. Лобач.</i> Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян	350
<i>Р. Бальсис.</i> Язычество балтов: человеческие жертвоприношения	384
<i>В. Я. Петрухин.</i> Посох Криве-Кривайтиса в балто-славянской перспективе ...	395
<i>Р. Шмигельските-Стукене.</i> Из истории парламентаризма в Речи Посполитой: сеймики Новгородского воеводства, 1794 г.	409
<i>Е. Л. Назарова.</i> «В душе моей Вы живете рядом с моей матерью...» (о латышском поэте Карлисе Скалбе)	425
<i>Т. Бартеле.</i> Первое празднование Дня русской культуры в Риге в 1925 году (по материалам русской прессы)	437

In memoriam

Симас Каралюнас (20 января 1936 – 28 ноября 2015) (<i>Ю. Карацеюс</i>)	448
Альгирдас Сабаляускас (26 июля 1929 – 17 апреля 2016) (<i>С. Валянтас</i>)	459
«Наука всегда должна служить жизни, своему народу» (Зигмас Зинкявичюс) (<i>А. Юджентис</i>).....	467
Витаутас Амбразас (25 марта 1930 – 23 февраля 2018) (<i>П. М. Аркадьев</i>).....	475
Сведения об авторах	478

CONTENTS

<i>V. A. Dybo, S. A. Krylov.</i> Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (1929–2017)	8
<i>P. M. Arkadiev, I. B. Itkin.</i> Ablaut in Lithuanian deverbal nouns towards the description of the synchronic distribution. II	28
<i>S. L. Nikolayev.</i> Reconstruction of accent classes of Balto-Slavic thematic verbs with obstruent-final roots. II. Accentuation of deverbals with the suffixes *-tlo- (*-dhlo-), *-to-, *-sto- и *-tā-	41
<i>S. G. Bolotov, M. V. Oslon.</i> “Leskien–Otrębski–Smoczyński’s Rule” and alleged exceptions to de Saussure’s Law	55
<i>M. N. Saenko.</i> Periodization of the history of the Proto-Slavic noun declension	92
<i>B. Wiemer, K. A. Kozhanov, A. Erker.</i> The <i>TriMCo</i> corpus of Slavic and Baltic dialects: structure, goals and case studies	122
<i>E. A. Svedentsova.</i> Serialized constructions in Old Church Slavonic	144
<i>V. Blažek.</i> Slavic * <i>mečьka</i> ‘(she-)bear’	200
<i>R. A. Ageyeva.</i> Blue stones in the traditional culture of the Eastern Slavs.....	207
<i>D. Razauskas.</i> Symbolism of the “fish–bird” relationship and its metaphysical contexts.....	237
<i>N. Laurinkienė.</i> The mythical image of the sky in Baltic tradition.....	292
<i>T. V. Volodina.</i> People and <i>hosts</i> : strategies and regulation of inter-world communication in the culture of Belarusians of the Dnieper	317
<i>V. A. Lobač.</i> Bogatyrs, giants and virgin warriors in the toponymic traditions of the Eastern Slavs	350
<i>R. Balsys.</i> Paganism of the Balts: human sacrifice.....	384
<i>V. Ja. Petrukhin.</i> Krivè-Krivaitis’ staff in the Balto-Slavic perspective	395
<i>R. Šmigelskytė-Stukienė.</i> A case from the history of parliamentarism in the Polish-Lithuanian Commonwealth: “Sejmiks” (dietines) of the Nowogródek Voivodeship, 1794.....	409
<i>E. L. Nazarova.</i> “In my soul you live next to my mother...” (about the Latvian poet Kārlis Skalbe)	425
<i>T. Bartele.</i> The first celebration of the Russian Culture Day in Riga in 1925 (based on the materials of the Russian press)	437

In memoriam

Simas Karaliūnas (20 January 1936 – 28 November 2015) <i>(J. Karaciejus)</i>	448
Algirdas Sabaliauskas (26 July 1929 – 17 April 2016) <i>(S. Valentas)</i>	459
“Scholarship must always serve life and its own nation” (Zigmas Zinkevičius) <i>(A. Judžentis)</i>	467
Vytautas Ambrazas (25 March 1930 – 23 February 2018) <i>(P. M. Arkadievs)</i>	475
Information about the authors	478

В 2019 году исполняется 40 лет со «дня рождения» серии «Балто-славянские исследования»: в 1979 году Владимир Николаевич Топоров написал докладную записку от Сектора структурной типологии в дирекцию Института славяноведения и балканистики АН с предложением учредить ежегодник «Balto-balkanica» (текст этой записки был опубликован в «Балто-славянских исследованиях – XVIII», М., 2009). Официально решение об учреждении серии было принято годом позже, но фактически она уже существовала (в 1972 г. был издан «Балто-славянский сборник», а в 1974 г. — «Балто-славянские исследования»). Отсчет серии ведется от 1972 года, и в этом году мы выпускаем уже 20-й том.

Все эти годы бессменным главным редактором серии был Вячеслав Всеволодович Иванов. Но этот том он не увидит... Прискорбно, что Вячеслав Всеволодович, до самых последних своих дней принимавший живейшее участие в составлении и редактировании тома, не дождался его выхода в свет. Мы не посвящаем этот выпуск памяти Вячеслава Всеволодовича, потому что ощущаем в нем его живую руку, слышим его голос. Мемориальным должен стать следующий том.

Мы уверенно надеемся, что новый главный редактор — Владимир Антонович Дыбо — сохранит традицию и приумножит славные дни «Балто-славянских исследований».

От редколлегии

Р. А. АГЕЕВА

Синие камни в традиционной культуре восточных славян

Общие сведения

В отечественной археологии культовыми и легендарными камнями-валунами стали активно заниматься сравнительно недавно — в последние два десятилетия, хотя отдельные исследования проводились и в XVIII–XX вв.; сведения о таких камнях содержатся в опубликованных академических статьях, очерках и путевых заметках.

Прежде всего о **терминах**. С точки зрения географов «валун» — это «округлый большой камень. Обычен для районов древнего оледенения и рыхлых четвертичных отложений гляциального генезиса» (Мурзаев 1999, I: 117). Проще говоря, это окатанные обломки горных пород (часто округлые, разных размеров), которые были захвачены и перенесены от коренных пород, иногда на очень большие расстояния, водными потоками и ледниками. Добавим, что в горных странах есть и другая категория валунов: угловатой формы; их происхождение связано с замерзанием воды в трещинах горных пород, в результате чего от скал отрываюся обломки разной, в том числе довольно большой, величины; валуны возникают также в результате землетрясений.

Исследователи предлагают разные термины для общего обозначения камней, сыгравших важную роль в истории и культуре человечества. Нередко упоминаются термины «исторические камни», «историко-культурные камни» или «культурно-исторические камни». В трудах некоторых авторов последние два термина употребляются как полные синонимы, что вызывает сомнение у лингвистов. Дело в том, что в русском языке первая часть таких сложных прилагательных несёт основной смысл, а вторая часть его дополняет и конкретизирует. Так, термин *историко-культурный* предполагает, что нас интересует главным образом история, а изучение культуры — частный случай исторического исследования. Второй термин *культурно-исторический* указывает на то, что специалисты (культурологи, этнографы, фольклористы, лингвисты) изучают культуру, а конкретно — в её историческом аспекте.

Упомянем также термин «археолит», предложенный английским археологом Г. В. Чайлдом (Childe 1951) и обозначающий в археологии ранний палеолит. В буквальном переводе термин имеет значение 'древний камень' и может также относиться к небольшим камням-валунам, следовикам, магическим камням, орудиям труда древнего человека и т.п. В отечественной литературе данный термин редко употребляется (Маланин 2000: 13).

Что касается собственных имён валунов (если таковые имеются и известны местному населению), то в данной работе предлагается для них термин «петронимы» — по аналогии с употребляемыми в науке терминами «петрография», «петрология», «петроглифы» и т.п. Более удачным был бы термин «литонимы» (от греч. *λίθος* ‘камень’, ср. «мегалит» и т.д.), если бы он уже не был введён в ономастическую терминологию с совершенно другим определением: «Вид топонима. Имя собственное естественного прибрежного объекта, в том числе камня, рифа, залива, фьорда. Происхождение: лат. *litus* ‘берег’ + оним» (Подольская 1988: 68). Здесь среди перечисленных объектов упоминается также камень, однако камни-валуны встречаются не только на берегах рек, озёр, морей, но и в других местах: в лесу, на поле, на дороге, в болоте, на холме, на горе и т.д.

Историки и краеведы разработали подробную **классификацию** камней-валунов с учётом культурологических данных. Из отечественных работ последнего десятилетия обращает на себя внимание статья В. В. Виноградова и Д. В. Громова (Виноградов, Громов 2006), носящая комплексный характер. В шести больших разделах классификации представлены исчерпывающие сведения о видах камней-валунов, о функциях камней, о поверьях и мифах, связанных с почитаемыми валунами. Несмотря на то, что статья построена в основном на материале традиционной культуры русских, авторы приходят к закономерному выводу о типологических параллелях русской культуры с культурами других народов: «...большинство поверий встречается не только на территории расселения славян, но и далеко за её пределами. Причём параллели можно обнаружить и у народов, живущих в непосредственной близости от славян (например у балтов), и у территориально отдалённых „родственников“ индоевропейского корня (германцев, осетин и др.), и у народов, далёких от славян как этнически, так и территориально» (Там же: 138).

В приведённой выше классификации камней-валунов, опубликованной В. В. Виноградовым и Д. В. Громовым, учитываются не только данные археологии, этнографии, мифологии и фольклора, но и смысл самих названий камней, если камни вообще имеют названия: ведь много и безымянных камней. Петронимы дополняют и подкрепляют общую характеристику камня. И, конечно, собственные имена камней тоже требуют анализа и систематизации.

Функции культовых и легендарных камней весьма разнообразны, если не всеобъемлющи. Они обусловлены универсальным реконструируемым образом небесного камня, который в религиях многих народов мира считается основой вселенной. Мифический камень принимает участие в сотворении мира, возникая из водного хаоса со дна океана. Он находится в центре мира, являясь «пупом земли» и

опорой мира; одновременно он посредник и граница между небом и землёй, то есть между верхним и нижним (подземным) миром, между жизнью земной и загробной, между своим и чужим этническим пространством. Камень этот также представляет собой алтарь, жертвенник, поскольку жертва богам, как правило, локализуется в центре вселенной. Камень обеспечивает урожай, плодородие людей и скота; играет роль в похоронном обряде; часто является магическим лечебным средством, оберегом. У некоторых народов волшебный камень может быть родоначальником людей (рода, этноса); кроме того известны клятвенный камень, камень-свидетель, коронационный, специальные камни для имянаречения, для молитвы и т.п.

Представление о небесном происхождении священного мирового камня можно проиллюстрировать рядом примеров. Мифический камень либо находится на небе, либо падает с неба на землю, и люди поклоняются ему. При этом языческие верования часто дополняются более поздними христианскими, мусульманскими или другими наслоениями, возникшими на почве мировых религий и их ответвлений.

«У нилотов Африки есть предание о божестве, упавшем с неба в виде камня» (Окот п'Битек 1979: 70);

«В святилище Каабы есть два почитаемых мусульманами камня — чёрный и красный. Самым священным камнем считается чёрный, который вначале находился на небе и был белым, а потом почернел. По преданию, его принёс из рая архангел Гавриил и дал его Адаму после того, как тот раскаялся в содеянном грехе. Интерпретация этого центрального сакрального образа ислама может быть следующей: „Чёрный камень — символический образ ключа к небесному Храму. Ключ этот открывает не просто и не только Храм, но собственно небеса, а фактически храмовый ключ и есть ключ ко всему мирозданию, ключ Бытия“» (Шукуров 1993: 165).

Христианскую интерпретацию падения камня с неба даёт болгарская исследовательница Ф. Бадаланова, изучавшая апокрифический текст «Эпистолии о неделе» (первые переводы на староболгарском языке относятся к X–XI вв.). В более поздних редакциях (в «дамаскинах») этот апокриф встречается под заглавием «Камък падна от небо» («Упал камень с неба»). Анализ славянских фольклорных текстов, в которых ряд архаических мотивов указывает на символику камня, позволил автору предположить, что заглавие «Упал камень с неба» отсылает нас к комплексу универсальных культурных представлений, связанных с образом демиурга. В этом контексте можно рассматривать *камень* как одну из возможных ипостасей Мессии, а заглавие болгарской версии апокрифического текста — как сообщение о приходе воплощённого в камне Спасителя в мир грешных людей (Бадаланова 1993: 338–339).

Непосредственная связь культовых камней с верхним и подземным мирами, с миром богов также отражается в верованиях многих народов, в том числе славян.

Некоторые названия почитаемых камней содержат имена древних языческих божеств. Как правило, исследователи-поисковики отмечают петронимы, связанные с богами славянского пантеона: Перуном, Волосом (Велесом), Мокошью и др.: *Перунов камень*, *Велесов камень*, *камень Даждьбог* и т.п. В частности, Волос олицетворяет собой «низ»: он прячется под камнем, в который ударяет молния Перуна; он является хтоническим персонажем, то есть связан с подземным миром, с загробным царством (Иванов, Топоров 1974). Например, в Белоруссии известны шесть валунов с названием *Пярун-камень*. Два таких камня находятся в Сенненском районе Витебской обл. По рассказам местных жителей, на камне около дер. Расходна бог Перун убил главного дьявола. Когда-то возле этого камня совершали купальские обряды (Карабанай и др. 2011: 157). В народных верованиях по поводу таких камней неоднократно отмечаются христианские наслоения.

Упомянем вкратце другие темы, затрагиваемые в работах исследователей камней: Душа и дух. Культ предков. Хозяева природы. Душа в камне. Камень — дух местности. Тотемизм. Представление о живых камнях.

Последняя тема может быть проиллюстрирована на примере литовских верований, подтверждающих наблюдения этнографов, сделанные в разных регионах мира. Ср. у Э. Тэйлора: «Странное антропоморфическое понятие, что камни могут быть мужьями и жёнами и даже имеют детей, знакомо фиджийцам, так же, как и перуанцам и лопарям» (Тэйлор 1939: 372).

«В Литве известны три группы камней — три семьи под названием *Мокай*. Это камни-ведуны (ср. литовское *mokuti* ‘учить’). В одной из семей сохранился только „отец“ *Мокас* (*Мокулас*) — стоячий гранитный валун более 1 м высотой. Раньше у него была „жена“, но тот камень взяли для постройки. Предание сообщает, что Мокас был крестьянином и в праздник Пасхи пахал поле, а жена принесла ему завтрак. Работать в праздник категорически запрещено, поэтому Бог в наказание превратил обоих в камни. Мокас считался ведуном, то есть грамотным, знавшим всё. К нему посылали школьников, которым трудно давалось учение. Им советовали обойти камень на коленях три раза, читая молитву „Богородице Дево, радуйся...“, затем постучать головой о камень, — тогда ребята всему научатся» (Тарасенко 2000, I: 4–9; 2003, II: 4–9).

Цветовые названия камней

О цветовом коде в культуре, в том числе в собственных именах, писали многие исследователи, см., например, работы (Иванов 1981;

Раденкович 1989; Баскаков 1980; Мурзаев 1999 и др.); сравнительный анализ употребления цветowych обозначений в разных классах собственных имён см. в (Агеева 1993).

Что касается камней-валунов, то эта тема также затрагивалась в ряде работ. Так, А. А. Панченко на основании археологических и этнографических данных, а также письменных документов позднего Средневековья исследует почитаемые камни на Русском Северо-Западе, отмечая при этом тесную связь культа камня, дерева и воды. «Деревенские святыни» часто образуют культовые комплексы. По поводу цветowych названий почитаемых камней автор сообщает, что подобные камни, как правило, тяготеют к обширным водным массивам: *Белый камень* на оз. Самро в Ленинградской обл.; *Синий камень* на Щирском оз. в Псковской обл.; *Синий камень* на Плещеевом оз. в Ярославской обл. (Панченко 1990: 95). Это интересное наблюдение было сделано в 1990 г., хотя в последующие годы были открыты и изучены многие камни с цветообозначениями, в том числе культовые, и в других местах, кроме берегов больших озёр. Но сам тезис о культовых комплексах неоспорим и часто подтверждается при исследованиях на местности.

Следует заметить, что употребление цветowego эпитета по отношению к какому-либо камню-валуну далеко не всегда отражает истинный цвет этого камня: Белый камень может быть на самом деле серым или даже красным, а Синий камень — серым, чёрным или розовым (если состав его — розовый гранит). По этой причине во время полевых исследований, работая с информантами, следует уточнять, почему камень называется именно белым или синим: то ли по его настоящему цвету (тогда это, скорее всего, апеллатив), то ли независимо от цвета (тогда больше шансов считать название собственным именем). Деталь немаловажная — и не только для лингвистов-ономатологов: при отсутствии исторических данных или сопутствующих легенд и поверий, связанных с камнем, его «цветовое» имя может служить единственным индикатором культового характера валуна в древности.

Среди цветowych эпитетов, имеющих символическое значение для культовых камней, наиболее часто встречаются *белый*, *чёрный* и *красный* (то есть основные цвета семиотической цветовой триады); значительно реже *серый* (*сивый*, *бурый*), *зелёный*, *жёлтый* (последний практически не встречался исследователям, по крайней мере, в русских петронимах, лишь спорадически отмечались *Жёлтые камни*, но не валуны, а речные скалы, к примеру на Урале, где в местных говорах слово *камень* относится и к горам).

Что же касается *Синих камней*, то это особая категория, которая выделяется даже среди этой группы «цветowych» камней. Рассмотрим её подробнее.

Синие камни

Прежде чем приводить примеры названий *Синие камни*, нужно предварительно остановиться на значении и употреблении самого понятия «синий цвет» и на выражающих это понятие словесных обозначениях хотя бы в нескольких языках мира.

Для ряда языков характерно обозначение голубого и синего цветов одним и тем же словом (франц. *bleu*, англ. *blue*, латыш. *zils* и т.п.); иногда для различения оттенков добавляются определения *светлый* или *тёмный*. В русском и других языках есть и такие понятия, как *небесно-голубой*, *лазурный*, *лазоревый*, *бирюзовый*. Слово *синий* — общеславянское, а *голубой* — слово, известное лишь восточнославянским языкам (русскому, белорусскому, украинскому); у южных и западных славян другие обозначения светлых оттенков синего цвета.

Судя по древнерусским письменным памятникам, *синий* входил в группу таких обозначений цвета, как *сивый*, *сизый*, *серый*, *тёмный* и даже *чёрный*. Последнее значение слова **sinь* (*sinьjь*) ‘чёрный’ сохранилось в русских северных говорах, в отличие от других русских говоров и других славянских языков. «Такая семантика слова **sinь* в современном славянском мире фиксируется в восточнославянских и сербскохорватских диалектах, но белорусам, украинцам, хорватам и сербам она известна лишь в определённых устойчивых сочетаниях и дериватах. Что же касается великороссов, то только жители Русского Севера (Пинежье и соседние р-ны) знают *син’ой* ‘чёрный’ в „свободном“ употреблении. Ср. пинежск. *син’ой* ‘чёрный’, ‘грязный’: *пóл-то син’ей такой*» (Толстой 1995: 398). Этимологи считают слово *синий* родственным глаголу *сиять*, то есть *синий* — ‘сияющий’, ‘блестящий’. Синему цвету и другим цветообозначениям в русском языке посвящена обстоятельная монография Н. Б. Бахилиной (Бахилина 1975). Здесь отметим, что в древнерусском языке, как и в более поздние эпохи истории русского языка, синим цветом обозначались: 1) объекты и явления природы (моря, водные источники, небо, облака, молния, тучи, мгла, пламя, свет, камни — в том числе драгоценные, глина, трава, лёд; 2) внешность человека (бледного или умершего), оттенки кожи, темнокожие народы; 3) одежда, ткани, утварь и пр.; 4) бес, демон, чёрт — *синец*.

Значения синего цвета ‘тёмный’, ‘чёрный’, а также слово *синец* обуславливают символику употребления синего цвета. В мифологических представлениях эпитет *синий* может связываться с нечистой силой, со смертью и загробным миром, с богом Велесом, быть символом несчастья, горя, траура (Шорин 1989).

Символика синего цвета у славян исследовалась также Л. Раденковичем: «Синий цвет ассоциируется с небесным простран-

вом (с пустотой) и морем. Поле его употребления достаточно узко не только в заговорах, но и в народной поэзии: по подсчётам в болгарских народных песнях синий цвет по широте использования находится на последнем месте <...> В белорусских текстах из 121 упоминания синего цвета 92 приходится на словосочетание синее море, куда обычно изгоняется нечистая сила или где находятся хтонические персонажи заговоров» (Раденкович 1989: 138).

Это наблюдение Л. Раденковича можно подтвердить и данными русского фольклора на примере былинного эпоса. Так, анализ текстов трёх больших сборников русских былин показывает, что в подавляющем большинстве случаев эпитет *синий* применяется именно к морю. Исследователи отмечали, что море в народной поэзии имеет как отрицательное значение (эпитет *чёрный* — дорога на тот свет), так и положительное значение (эпитет *синий* — связь с солнцем и днём) (Иванов, Топоров 1965: 117).

По нашим подсчётам, в текстах 61 былины сборника «Былины» (1957), сочетание *синее море* встречается 46 раз, в том числе при нём иногда употребляются собственные имена: Хвалынское (2 р.), Корсуньское (2 р.), Карское, Арапское (3 р.), Турецкое (1 р.). В текстах 73 былин сборника «Новгородские былины» (1978) синее море упоминается более 70 раз (это понятно, потому что половину сборника составляют варианты былины «Садко», где действие происходит большей частью на поверхности моря и на морском дне). В текстах 88 былин сборника «Добрыня Никитич и Алёша Попович» (1974) синее море встречается 31 раз, в том числе с собственными именами: Греческо (1 р.), Варальское (=Аральское) (1 р.).

Во всех упомянутых текстах эпитет *синий* не прилагается ни к какому другому объекту, кроме моря, за единственным исключением: *синий кафтан* (НБ: 240). И это тоже понятно, так как кафтан был подарком водяного.

Заменители синего цвета — *сизый* и *сивый* — встречаются также крайне редко. Это *сизые голуби*, *орёл сизокрылый (сизокамский)*, *сизое воронье крыло*, *сизый бобр* (с ним по цвету сравнивают ресницы девушки), *сивая свинья* и *сивенькие поросяточки* (в шуточной былине).

Эпитет *синий* чаще встречается в словосочетании *синий камень*, как и его заменитель *серый* в сочетании *серый камень*.

Целенаправленное изучение Синих камней-валунов у восточных славян началось сравнительно недавно. Особый к ним интерес исследователей — археологов, этнографов, краеведов, фольклористов — связан с тем, что по крайней мере часть таких камней можно определённо считать предметом культа — как в древности, так и вплоть до настоящего времени. Здесь стоит отметить трудности, стоящие перед теми, кто за-

нимается поиском культовых, в том числе Синих, камней. Во-первых, недостаток информации о почитаемых камнях: о них узнают из письменных источников, из сообщений краеведов и местных жителей, а также благодаря специально организованным экспедициям. Во-вторых, камень может находиться в недоступном, к примеру, заболоченном, месте, или же информанты не уверены в местонахождении камня в настоящее время, хотя по рассказам он когда-то существовал. В-третьих, современные жители могут уже не знать или не помнить никаких преданий, связанных с камнем: почитался ли он когда-либо или нет.

Примеры названий *Синий камень*

Синие камни — довольно распространённое в России и Белоруссии название камней-валунов. По данным А. Алквист, на середину 90-х годов XX в. в Европейской части России их было найдено 43. Ареал Синих камней включает Русский Север и Северо-Запад, отчасти центральные области России: Ярославскую, Ивановскую, Костромскую, Вологодскую области, Карелию, Заонежье, Кашинский и Торжокский районы Тверской обл., Новгородскую обл., Мещёру, Подмосковье, Прикамье (Алквист 2006: 4). Однако исследования Синих камней продолжаются, и ареал этих вновь открываемых памятников истории может быть значительно расширен: Тульская и Липецкая области и т.д.

Ярославская область

Наиболее известен в России *Синий камень* на Плещееве озере, близ города Переславля-Залесского Ярославской обл. О нём написано так много, в том числе в популярных изданиях, что мы здесь ограничимся лишь самыми необходимыми сведениями.

Этот огромный валун ледникового происхождения, весом до 12 т, серого цвета с синим отливом, был культовым камнем финно-угорского племени *меря*, которое обитало по берегам Плещеева (ранее Клещина) озера с конца VII — начала VIII в. н.э. Около середины X в. началась славянская колонизация края, и славяне, как полагают историки, усвоили культ Синего камня от местного мерянского населения. Летописи сообщают о поклонении камню, об «игрищах» вокруг него и о борьбе церкви в XVI—XVIII вв. с остатками языческого культа. Археологи изучают Синий камень в составе комплекса памятников в районе озера Плещеево с середины XIX в. Многие исследователи связывают этот камень с культом языческого бога Велеса (Волоса). См. подробнее (Алквист 1995; Алквист 2006; Дубов 1990; Ермаков 2010–2011; Комаров 2003; Шорин 1989).

Синий камень (= *Каменная баба*, *Синяя баба*) в Берендеевом болоте Переславского р-на. Современных достоверных сведений о кам-

не нет, но старожилы утверждают, что он был, и рассказывают о нём предание. На месте болота было когда-то озеро, в котором утонул Берендей, молодой сын царицы-вдовы Рогнеды: его заманили русалки. Безутешная мать прокляла озеро и превратилась в каменную бабу, а озеро стало зарастать, и на его месте образовалось болото. Сам же камень по форме напоминал женскую фигуру (Алквист 1995: 15).

Синий камень — лежал на краю болота у дер. Тряслово Ростовского р-на, к востоку от оз. Неро. Большой, тёмный, с сизым налётом валун был вывезен с Велесова дворища близ дер. Ангелово вскоре после принятия христианства (Федотова 1987: 76–77).

Синий камень — тёмно-синий камень и местность в 3 км от дер. Деревково Переславского р-на. Легенда гласит, что камень стоял на бугре, в дубовой роще по дороге на г. Александров Владимирской обл. На камне плакала девушка. Если в ночное время снять девушку с камня и повернуть камень, то она отдаст клад. Девушка будто бы плакала от тяжести клада, и её нужно было спасти (Алквист 1995: 15).

Ивановская область

Синий камень в дер. Арсеново Ильинского р-на — на холме, в 11–12 км от левого берега Малой Нерли, на лугу с названием *Синий камень*. Когда-то здесь были два почитаемых камня: *Синий камень на лугу* (выполнял «лечебные» функции) и другой («лабиринтовый», то есть с изображением выпуклых полос, находящихся друг на друга, в виде лабиринта) — на вершине холма (Рогалёва 1992). В Ильинском же р-не близ дер. Чурилово есть болото *Синий камень* (Рогалёва 1993).

Владимирская область

В округе деревень Тарасово и Жохово (Собинский р-н) был *Синий камень*, возле которого прощались с умершим, прежде чем нести покойника на кладбище. В этом месте, при Синем камне, оставляли посуду из-под воды, которой обмывали покойника (Маланин 2015: 21).

В 1,5 км от дер. Тельвяково Киржачского р-на (в которой есть часовня и камень «со следом»), по рассказу местной жительницы, лежал *Синий камень*. «Синим его называли, ибо цветом такой». Другой местный житель и краевед рассказал, что недалеко от деревни был лесной массив *Синий камень*, но в период Великой Отечественной войны лес был сведён на дрова, а Синий камень «захоронили там, где он лежал тысячелетия» (Маланин 2001: 97).

Московская область

Синий камень — гранитный валун «со следами» возле дер. Веледниково на границе Истринского и Красногорского р-нов. О нём местные жители рассказывают такую легенду: давно здесь прохо-

дила графская дорога. Однажды по ней ехал купеческий поезд. Вдруг с неба упал огромный камень и задавил всю свадьбу. Если ночью в 12 часов придти и приложиться ухом к камню, то можно услышать музыку (Маланин 2001: 100).

Синий камень около дер. Старые Старки (или Старо Старково) Ногинского р-на. На этом камне в прошлом танцевали и пели: «Синий камень, Синий камень — семь пудов! Синий камень легче тянет, чем проклятая любовь!». Водой из-под камня мыли голову, обмывались: она считалась целебной. Считалось также, что Синий камень растёт. Недалеко от этой деревни есть ещё несколько небольших *Синих камней*, в том числе камней с петроглифами (Маланин 2004: 89).

Синий камень — недалеко от дер. Огуднево и с. Душоново Щёлковского р-на, гранитный валун на краю болота (Там же: 88).

Синий камень — в Москве, в р-не Строгино (Маланин 2008; Шилов 2006).

Нижегородская область

Писатель С. В. Афоньшин записал предание о городецких пряниках, где упоминается *Синий камень* близ с. Чистое Поле Борского р-на. На этом камне величиной с баню танцевала некая Данька-прянишница, скрывавшая от царских ярыг (слуг) место выпечки пряников. Так она плясала, что «обморочила» ярыжек, закружились у них головы, они упали у камня, а Данька убежала. Возможно, танец девушки на синем камне указывает на древний магический обряд, связанный с этим культовым объектом (Маланин 2015: 20–21).

Тульская область

Синий камень: 1) у с. Архангельское Каменского р-на; 2) валун из жёлтого песчаника близ с. Николо-Гастунь Белёвского р-на; 3) валун чёрного цвета на р. Птань Ефремовского р-на (Барбашов 1998).

Липецкая область

Синий камень и одноимённая деревня в Воловском р-не (Барбашов 1998).

Белоруссия

Синий камень (*Сіні камень*): 1) известный с 1591 г. по переписи на берегу реки Усвячи (Витебская обл.), на границе волостей; 2) у дер. Берёзно в Городокском р-не Витебской обл.; 3) в Смолевичском р-не Минской обл.: две деревни, находящиеся рядом, официально называются *Синие Горы* и *Великий Камень*, но старожилы последней называют свою деревню *Синий Камень*, так как ещё в 1930-е годы на пригорке за селением лежал большой камень, называемый *Синим камнем*; 4) недалеко от дер. Бондари около гор. пос. Скидель Гродненского р-на

Гродненской области. Здесь ещё недавно существовала деревня *Синий Камень*. По рассказам жителей, в этой местности был когда-то большой лес, в котором и лежал *Синий камень* — «ещё со времён Литовского государства» и «был этот камень всем камням камень»; 5) вспоминают и про *Синий камень* у дер. Минковичи Стародорожского р-на Минской обл. Ещё в 1930-е годы на Егорьев (Юрьев) день 6 мая у этого камня собиралась молодёжь (Карабаноў и др. 2011: 154).

Кроме *Синих камней*, зафиксированы названия *Бурый камень* (у деревень Замошье Логойского р-на Минской обл. и Конюхи Берестовицкого р-на Гродненской обл.), а также *Сивый камень* (у дер. Ягодки Ушачского р-на Витебской обл.), но преданий, связанных с этими камнями, узнать не удалось (Там же: 155).

Синий камень в мифологии и фольклоре восточных славян

В космогонических мифах славян камень играет важную роль. Камень — опора, центр, столп мира. При сотворении мира Богу может помогать Сатана (отголоски дуализма), либо мир могут создавать какие-то другие мифические персонажи. В западноукраинской апокрифической песне (колядке) говорится, что в начале света не было ни неба, ни земли, только одно *синее море*. Среди моря стоял явор (или дуб), на этом дереве сидели три голубя, которые советовались между собой, как им сотворить мир. Они посеяли *синий* (или *золотой*) камень, после чего стало видно небо (Сумцов 1888: 25). В этой песне отражено представление славян (и вообще индоевропейцев) о *каменном небе*, о том, что небо создано из *синего камня*.

Синий камень встречается и в других жанрах фольклора, где он также играет символическую роль, отражая древние космогонические мифы, представления и верования славян. Например, синий камень фигурирует в русских и белорусских заговорах, хотя он, как и серый, бурый камни, встречается гораздо реже, чем общеславянский образ белого камня или обозначение камня в сопровождении собственного имени *Латырь* / *Алатырь* (с многочисленными вариантами) (Агеева 1982). Так, в основе одного из белорусских заговоров лежит представление о человеке как о микрокосме: здесь проводится параллель между рождением ребёнка и рождением, возникновением вселенной. В этом заговоре (от несвоевременных родов) говорится:

На мори на кияни рос древо купорос, с комя и до верху гольём опускався. А на синим мори ляжиць синей медзи камянь. Як гэтому синю-медзю камяню наверх ня усплываці, каб и так рабе божай младзенца не свергаць. Я гаворю, выговарую, ворот цялесных не заговарую, амин (Романов 1894: 63, № 54).

В этом тексте примечательна контаминация слов *кипарис* (кстати это дерево — символ Богородицы в фольклоре) и *купорос*, а отсюда и ассоциация мифического синего камня с *камнем синей меди*, то есть с медным купоросом.

Большинство учёных разделяют ту точку зрения, согласно которой часть Синих камней связана с культом бога Велеса, с загробным миром и культом предков. При этом отмечается, что Синие камни могут быть составной частью целого комплекса: поселение — могильник — капище (Дубов 1990: 36), но для такого вывода должны проводиться дополнительные полевые исследования.

Ещё одно важное наблюдение связано с открытием пограничной функции Синих камней. «В наиболее общей функции „камень“ выступает как граница между двумя мирами — нашим и потусторонним» (Алквист 2006: 11). Но и на земле, в своём пространстве камни могут быть пограничными знаками между деревьями, между своей и чужой территорией, а иногда и ориентирами: они часто расположены у древних путей передвижения, в основном у водных маршрутов (Алквист 1995: 22–23).

Пограничная функция Синих камней в Заонежье отмечается и в работе И. И. Муллонен (2006). Наряду с другими камнями и прочими пограничными и межевыми знаками, как предполагает автор, они могли упорядочивать пространство, выделять свою, освоенную территорию и отделять её от чужой, непознанной. Основание для такого предположения — устойчивый образ мифологического пространства, роль синего камня в заговорной традиции и т.п.

В русских былинах, кроме белого (бел-горюч камень) камня и камня Латыря, встречаются *синий* и *серый* камни. В тех же трёх упомянутых выше сборниках наблюдается большая разница между былинами киевского цикла и былинами новгородского происхождения. В первых мы видим только *серый камешек*, *сер-камень* или *сер-горюч* камень (Добрыня 1974: 55, 177, 269; Былины 1957: 113). В новгородских же былинах *серый камешек* упомянут лишь однажды: в былине «Мужик и водяной». Здесь *серый камень* — подарок мужику от водяного, камень не простой — он превращается в алмаз (НБ: 236). В цикле былин о Василии Буслаевиче и Садке фигурируют *синён камень* и *синь-горюч камень*. Причём Садко сидит на берегу Ильмень-озера, на синем камне, и своей магической игрой на гусях добывает себе богатство с помощью морского царя. Василий Буслаевич совершает паломническое путешествие в Палестину и там, на «Форуныгоре» (или «Сивонь-горе») находит свою смерть, пытаясь перескочить через *синий камень* (здесь синий камень, как и белый камень, или Латырь, символизирует христианский камень преткновения).

В других жанрах фольклора (сказках, балладах, лирических песнях) синий камень также встречается и часто бывает связан с водой, со смертью, с образом змеи. Возможно, названия Синих камней сохранили древнейшие представления, связанные с культом воды и хозяином подводного мира (Александров 2000: 122).

В Белорусском Полесье мы записали вариант песни «Подольянка»¹. Текст песни «Подольянка», известной в Полесье на польском языке, сообщил в диалектной записи филолог и историк Фёдор Данилович Климчук, уроженец дер. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. Первый куплет песни в оригинале:

*Na Podolu sini kamień,
Podolanka siedzi na nim.
Siedzi sobie, wianek wije
Z białej róży i lilije.*

Краткое содержание песни (это баллада по жанру, с драматическим сюжетом): На Подолье есть синий камень. На нём сидит подольянка и вьёт веночек из белой розы и лилии. К ней пришёл подольянец и просит дать ему веночек (то есть выйти за него замуж). Девушка отказывает ему, потому что боится отца, а ещё больше боится брата, который «хуже кат» (изверга). Жених советует девушке отравить родного брата с тем, чтобы получить возлюбленного. Девушка соглашается, и он даёт рецепт отравы: пойти в вишнёвый сад, найти там зелёную змейку и в горшочке приготовить её, мелко покрошив. Брат пришёл из костёла и спрашивает, что сестра готовит. Она отвечает, что это белорыбица. Как только брат взял в рот кусочек, сразу уронил голову на стол. «Ой, сестра, ты меня отравила». — «Нет, братик, ты слишком много выпил, опьянел». — «И не по такой чарке пил, а ещё никогда не пьянел». Она пишет письмо возлюбленному: «Братишка уже не дышит». — «Не буду тебя за это очень благодарить», — отвечает он. — «Ты отравила своего брата, и меня самого так же отравишь».

В этой балладе знаменателен синий камень, на котором сидит девушка. В данном случае этот камень — предвестник несчастья, горя, тоски. И действительно, происходит трагическое событие в жизни героев.

Та же тоска, тяжесть на сердце символически отражена в строке из песни, записанной в г. Каргополе в 1959 г.: «На моём сердце ретивом синий камешек лежит» (материалы фольклорной экспедиции МГУ на Русский Север) (Григорьева 2006: 137).

¹ Подольянка — жительница Подолья (Подолии), исторического воеводства Речи Посполитой на Подольской возвышенности (ныне территория Украины).

Функции Синего камня

Подытожим свойства и функции Синего камня в мифологии и фольклоре восточных славян.

1. Участие в сотворении мира (синее небо — из синего камня).
2. Связь с богом Велесом, загробным миром и культом предков.
3. Связь с культом воды и с водяным.
4. Местопребывание змея, дьявола, других демонических персонажей.
5. Двойственный характер воздействия на людей:

- приносит удачу и богатство, хранит клады
- помогает в лечении болезней, болезни могут ссылаться на него
- помогает вызывать дождь
- приносит смерть (= христианский камень преткновения)
- предвестник несчастья, символ горя и тоски
- пограничный и межевой знак (граница между земным и потусторонним миром, граница между населёнными пунктами)

Таким образом, Синий камень обладает многими свойствами, характерными для мифического мирового камня, образ которого присутствует в мифологии ряда народов мира. В народной культурной традиции славян Синий камень может считаться аналогом Белого камня и камня Алатыря. Оговоримся, что данный вывод сделан нами преимущественно на материале традиционной культуры русских и белорусов. Что касается украинцев, то в этом плане тема Синего камня изучена недостаточно. Ранее, в частности, отмечалось (на материале заговорных текстов), что в украинском фольклоре, в отличие от русского и белорусского, название Латырь-камень зафиксировано в единичных случаях и имеет позднее происхождение (Агеева 1982). Однако образ белого или синего камня в украинской народной поэзии встречается.

Ареал Синих камней. Происхождение названий и культа. Гипотезы

Исследователи считают целесообразным выделять Синие камни в особую группу, поскольку ареал известных камней с таким названием, хотя и довольно широк, всё же носит локальный характер. В настоящее время больше всего Синих камней отмечено в Белоруссии, а также в северо-западных и ряде центральных областей России. Поскольку восточнославянская инфильтрация в эти земли началась в V–VI вв. н.э. и особенно усилилась в VIII–X вв., некоторые учёные полагают, что восточнославянские племена (словене, кривичи, вятичи и др.) могли заимствовать культ Синих камней у балтов. Так, Е. Р. Барбашов, изучавший *Синий камень* у с. Николо-Гастунь Белёвского р-на Тульской обл., считает, что поклонение камням в этой местности восходит к белёвской неолитической культуре, носители которой — финно-угры [что спорно: весьма трудно определить этниче-

ский состав отдельных групп населения в эпоху неолита, поскольку нам неизвестно, на каких языках они говорили — *Р. А.*]. От финно-угров, по мнению автора, культ камней переняли древние балты, пришедшие на Верхнюю Оку в VIII–VII вв. до н.э., а уже от балтов впоследствии этот культ восприняли славяне-вятичи (Барбашов 1999: 16).

Более определённо на эту тему высказался белорусский учёный Э. А. Левков (Ляўкоў 1992): он предположил, что славяне, заселившие в VI–X вв. территорию Белоруссии, пришли из мест, где не существовало поклонения валунам, и поэтому славяне переняли культ камней у местных балтов, живших три тысячи лет на территории Белоруссии и запада России. Эту точку зрения справедливо критиковал литовский краевед Л. Василявичюс (2009: 287), отметивший существование культовых камней и у самих славян. Однако, поскольку речь идёт в принципе о наличии или отсутствии у славян культа камня как такового до их средневековой миграции из центральной Европы на восток, то здесь необходимо сделать краткое отступление.

То, что древние славяне вообще заимствовали обычай поклонения камням от балтов, или финно-угров, или от других современных им народов, определённо не соответствует исторической действительности. Славянский этнос выделился из древнеевропейской общности, сформировавшись на этапе перехода от бронзового века к железному в 400–100 гг. до н.э. и длительное время существовал в тесном контакте с германцами, балтами, кельтами, иллирийцами и др. (Седов 2003: 597). В этой части Европы — западной и центральной — исследователи обнаруживали и продолжают открывать всё больше памятников древнеиндоевропейской и доиндоевропейских цивилизаций каменного века, ср. хотя бы мегалитические комплексы-святилища в Бретани и на Британских островах, бывших некогда частью материка. Многие памятники, в том числе находящиеся на их территории жертвенные камни-алтари, датируются не менее чем VIII тысячелетием до н.э. и неопровержимо свидетельствуют о культе камня, в течение тысячелетий постоянно существовавшем на всей указанной территории Европы (Найт, Ломас 2006). Не подлежит сомнению и тот факт, что культовые камни имелись и до сих пор имеются и в Восточной Европе. Например, по данным археологии, наиболее ранние культовые камни с чашевидными выемками появились на восточном побережье Балтийского моря, в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, к I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Эти памятники массово распространились в Белоруссии, на северо-западе и в центре России. В конце XX в. и начале XXI в. статистика выявленных культовых камней была такова: в Эстонии более 1100, в Латвии 343, в Литве более 300, в Финляндии 100, в Белоруссии более 500, на северо-западе России (Ленинградская, Псковская, Новгородская обл.) не ме-

нее 250 и т.д. Статистика эта варьируется у разных авторов в зависимости от года публикации материалов новых исследований. «Но общая тенденция к уменьшению числа почитаемых камней всех видов прослеживается от берегов Балтики в восточном, юго-восточном и северо-восточном направлениях <...> В этом можно видеть длительность и полноту влияния носителей мегалитических традиций вблизи побережья Балтики в противовес более удалённым территориям» (Курбатов 2002: 560, 566). См. также (Дубов 1990; Чернецова 2008).

Однако, как показывают данные истории и этнографии, нельзя полностью исключать взаимовлияния верований, связанных с культовыми камнями, в отдельных полиэтнических регионах, в особенности в областях с чересполосным проживанием представителей разных этносов. Так, Синие камни могли стать особенно «популярными» у части восточных славян под влиянием каких-то соседних народов (вопрос — каких именно?). Например, говоря о Каменной (или Синеи) бабе Берендеева болота, С. Б. Чернецова отмечает, что предания о «каменной бабе» локализованы на стыке Ярославской и Владимирской областей, имеются также в соседнем Ильинском р-не Ивановской обл. «Возможно, что на данную территорию этот культ (или отголоски культа) был принесён половцами, факт пребывания которых на переславской земле в эпоху раннего средневековья не подлежит объективному историческому сомнению» (Чернецова 2008: 191).

Возвращаясь к теме влияния балтов на восточных славян (особенно имея в виду балтийский субстрат в материальной и духовной культуре новгородских словен и кривичей — последние, как показали исследования культурологов, в первую очередь В. Н. Топорова, уже до прихода на белорусские и псковские земли испытали балтийское влияние), отметим, что нам пока не удалось найти названий *Синие камни* среди описанных в литературе камней-валунов Литвы и Латвии. Возможно, для этих территорий нехарактерны и вообще названия камней с цветовой символикой; они могут быть единичными или пока неизвестными из-за недостаточной изученности камней-валунов. Более того: если речь идёт о цветовой эпитете *синий*, то такая же картина наблюдается и в названиях других географических объектов Литвы и Латвии: синий цвет встречается очень редко. Например, в этимологическом словаре литовских гидронимов А. Ванасага (Vanagas 1981: 211) указаны только две реки с названиями *Mėl-upis*, *Mėl-upys* < лит. *mėlas*, *mėlynas* ‘синий’; в Латвии река и город *Zilupe* < лтш. *zils* ‘голубой, синий’ (Endzelīns 1981: 302; Dambe 1990: 184). Между тем, для сравнения, в гидронимии славянских стран Украины и Польши гораздо больше гидронимов с цветообозначениями *голубой*, *синий*, *сивый*. Ещё один пример: в микропонимии Белоруссии эти цвета употребляются для самых разных объектов на мест-

ности: урочищ, лесов, болот, полей, пашен, пожен, заливов на реках и т.п. Ср. урочище *Сіній Мост*, поле и пашня *Сінюха*, *Сіняя Тонь* — глубокая яма в реке и т.п. (Мікратапанімія Беларусі 1974: 220–221).

В данной статье, посвящённой *Синим камням*, мы, естественно, сосредоточили внимание лишь на одном цветовом эпитете *синий*. В целом же можно заключить, что цветообозначения в славянской и балтийской топонимии заслуживают более подробного изучения и отдельного сравнительно-сопоставительного исследования.

Вопрос о происхождении Синих камней у восточных славян ещё далеко не решён и заставляет нас обратить более пристальное внимание на контакты славян с другими своими ближайшими соседями — финно-уграми.

А. К. Матвеев, изучив и картографировав скопление названий *Синие камни* на Русском Севере, пришёл к заключению, что эти названия могут быть «мерянскими индикаторами» (в русском переводе), то есть указанием на ареал бывшего расселения древнего финно-угорского племени *меря* (Матвеев 2006: 133–233).

Историческими мерянскими землями были нынешние Владимирская, Ивановская, Ярославская области, восточные районы Московской и Тверской обл., западная часть Костромской обл. Топонимическая экспедиция Уральского гос. университета обнаружила в микрорегионе среднего течения р. Устья (юг Архангельской обл.) вначале пять названий *Синий камень*, которым соответствуют многочисленные топонимы Ярославщины, некогда обозначавшие сакральные объекты. «Эти данные, а также соображения исторического характера позволяют предположить, что переселение мерян на СУ [Среднюю Устью] надо связывать с эпохой татаро-монгольского нашествия» (Матвеев 2006: 152). Позже экспедиция обнаружила в указанном регионе и в непосредственной близости от него ещё 8 Синих камней (т.е. всего 13), которые явно образуют одну общую зону. На остальной огромной территории Русского Севера 9 Синих камней рассредоточены по одному в целом ряде районов Архангельской и Вологодской областей (Там же: 174).

Здесь стоит отметить, что исследования А. К. Матвеева основаны исключительно на топонимическом материале и имеют целью выводы историко-географического характера. Мерянские элементы представлены главным образом в гидронимии Русского Севера, меньше их в ойконимии, и они почти отсутствуют в микротопонимии. По мысли автора, объясняется этот факт тем, что меряне были в основном охотниками и рыболовами и в первую очередь им нужно было называть водные объекты, по которым проходили их главные маршруты (Там же: 151).

Что касается названий *Синие камни*, то, по-видимому, автор относит их к микротопонимии, однако, к сожалению, не указывает, какие

конкретно географические объекты на местности обозначены этим именем, действительно ли названия относятся к камням-валунам.

А. К. Матвеев подчёркивает сложность топонимической стратиграфии Русского Севера. Здесь есть и прибалтийско-финские названия, но неясно — то ли это поздний прибалтийско-финский суперстрат, то ли прибалтийско-финский адстрат к мерянскому, то ли предшествующий мерянскому прибалтийско-финский субстрат. К тому же много общего у мерянского языка и топонимии с северофинскими языками (саамским), но нужно иметь в виду, что северофинская топонимия связана с заселением Русского Севера в глубокой древности, а мерянские названия относятся к 1-му тысячелетию нашей эры (Там же: 152, 159).

Мерянская гипотеза А. К. Матвеева вызвала отклик у финно-угроведов и дискуссию в научной литературе. Например, И. И. Муллонен (2006: 247) указала, что в Заонежье есть названия *Синий камень*, но все они сосредоточены в юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях села Великая Губа, и неизвестны в остальном Заонежье. Поэтому пока неясно, как этот факт согласуется с гипотезой о мерянском происхождении подобных названий. Сомнения И. И. Муллонен вполне обоснованы, поскольку Синие камни встречаются и в тех областях с прибалтийско-финским населением, где присутствие волжско-финских мерян вряд ли было возможно, ср. в Эстонии *Sinikivi*, в Финляндии *Sinikivi*, *Sininen kivi* ‘синий камень’, *Sininen kallio* ‘синяя скала’ и др. (Алквист 2006: 4).

Однако в работах А. К. Матвеева учитывается не только волжско-финский «след» в топонимии Русского Севера, где произошло смешение даже названий Синих камней: русское прилагательное *синий* оказалось созвучным с исконной финно-пермской основой, ср. соответствие в марийском языке: *šimə* ‘чёрный’. В мерянских названиях наблюдаются и соответствия в прибалтийско-финских языках, в том числе в таких словах, которые являются заимствованиями из балтийских и германских. «Меря была самым западным волжско-финским народом, контактировала с голядью, а возможно и с готами <...> Скорее всего, однако, следует видеть в этих словах прямые мерянские заимствования из языка вепсов, самой южной прибалтийско-финской народности <...> Здесь в топонимии явно прослеживаются элементы прибалтийско-финского (вепсского) типа, особенно на северо-западе ИМЗ [исторических мерянских земель] в Пошехонье, где меря соседствовала с всей <...> По археологическим данным, вепсы принимали активное участие в освоении этих земель <...> Прибалтийско-финский адстрат был выявлен и на территории КК [Костромского края]: прибалтийские финны проникали далеко в глубь мерянской территории» (Матвеев 2006: 158).

В итоге А. К. Матвеев делает вывод о том, что историко-географическое и топонимическое членение исторических мерянских земель на Волго-Окское междуречье и Костромской край не является единственно возможным, так как левобережье Волги между Шексней и Костромой могло подвергаться этническим инфильтрациям в той же мере, что Костромской край. Прибалтийско-финская топонимия исторических мерянских земель чётко распределяется по трём географически неравным субрегионам: 1) нижнее и среднее Пошехонье — самая незначительная часть; 2) левобережье Волги между Шексней и Унжей, включающее и западную (мерянскую) часть Костромского края; 3) Волго-Окское междуречье (Там же: 226, 229).

Гипотезу А. К. Матвеева в целом поддержали и другие учёные, в частности Е. А. Хелимский (2006) и А. Л. Шилов (2006: 57–58). Е. А. Хелимский выделил и особую северо-западную группу финно-угорских языков (или верхневолжскую, или тверскую ветвь), исходная область которой — Верхняя Волга (современные Тверская, Ярославская, Костромская, Вологодская обл.). Окончательное разделение ветвей вряд ли произошло раньше 1-й половины I тыс. до н.э. Автор предполагает особую близость между тверской и прибалтийско-финской ветвями языков.

Однако кроме топонимических исследований необходимо использовать и другие источники для проверки финно-угорской гипотезы происхождения названий (в том числе заимствованных в русском переводе) и культа Синих камней.

Синий цвет и Синий камень в мифологии и фольклоре прибалтийских финнов

Анализ текстов карельского эпоса «Калевала» (в русском переводе) и сборника «Карельские эпические песни» (на карельском языке с параллельным русским переводом) показывает весьма широкое употребление цветового эпитета *синий*, во многом сходное с применением этого эпитета в древнерусских письменных памятниках (см. выше). В финском и карельском языках понятия «синий» и «голубой» выражаются одним словом. Таково финское *sininen* (схожее по звучанию с русским). Для обозначения голубого цвета употребляются слова с дополнительными уточнениями: *vaaleansininen* ‘светло-синий, голубой’, *taivaansininen* ‘небесный, голубой, лазоревый, лазурный’.

По синему морю носилась Ильматар, дочь воздушного пространства и мать воды (Калевала 1956: Руна 1). Упоминаются также голубое море и синяя спина моря, синие волны, глуби синие потоков, синяя река. Небо, свод небесный, конечно, тоже синие. Но часто в карельском эпосе этот цветовой эпитет применяется и к другим объектам и явлениям природы: синеющий лес, голубые поляны, голубой камень

(Там же: Руна 45) — на него ссылаются болезни; синяя роща. Последнее название относится к сакральному объекту: синяя роща находится в Тапиоле, где живёт лесной царь Тапио со своим семейством; его дочери называются синими девами. На опушке синей рощи сидели за ткацким станком и прялкой дочь Месяца и дочь Солнца: они ткали и шили семь синих платьев для матери девушки Айно (Там же: Руна 4).

Синий клубочек — это аллегория молнии, огня. Сын Солнца разрезает серую щуку, в ней находит пеструшку, в пеструшке гладкий сиг, в сиге синий клубок:

«Разверну клубочек синий:	Вынул огненную искру,
А из синего клубочка	Что упала с высей неба,
Выпал красненький клубочек.	Что проникла через тучи,
Вскрыл он красненький клубочек:	Что с восьми небес упала,
Изнутри того клубочка	Из девятого пространства.»

(Там же: Руна 48, 261)

Синий клубочек фигурирует и в тех случаях, когда он необходим для выкупа человека. Обычно речь идёт о девушке, сидящей на берегу моря или на камне, которую по какой-то причине нужно выкупить. Все родственники, проплывающие мимо на лодке, жалеют своё добро и отказываются выкупить девушку, одна лишь бабушка «синий клубочек размотала, внутри клубочка была синяя птица. „Заложу её для выкупа“» (КЭП: 219).

Особый статус имеет в эпосе *синий мост*. Это символ помощи героям, связи с добрыми силами. Так, девушка в ожидании нелюбимого жениха плачет «на пёстрых камешках, на прекрасных скалах» и надеется, что приедет её батюшка или матушка: «Я построила бы синий мостик, настелила бы его на перекладины, поставила бы мостик на столбы, посыпала бы его золотом, края бы залила серебром...». А для нелюбимого жениха, соответственно, мост из плах, без перекладин и столбов, посреди рогожа, по краям солома... (Там же: 302–303).

В свадебном обряде синий цвет играет важную роль, как и во всяком празднике или радостном событии. Это выражается в цвете одежды: синие платья, кафтаны, повязки, куртки, платки, юбки, ленты и т.п. Когда Ильмаринен едет сватать красавицу Похьёлы, к дуге лошади привязывают семь птичек (кукушек) синих (голубоватых, сизых), чтобы они щебетали, и т.п.

Стоит отметить, что синему цвету в эпосе часто сопутствует *красный*. Вайнямёйнен сделал лодку для поездки в Похьёлу (сватовство). Он красит лодку в красный цвет, крышку приделывает синюю (Калевала 1956: Руна 18). У лесной хозяйки синяя одежда и синие чулки с прошивкой красной (Там же: Руна 14). Хозяйка воды, слушающая игру Вайнямёйне-

на на кантеле, «с синими чулками на ногах, красными онучами перевязалась...» (КЭП: 166). Опять же красный клубочек внутри синего и т.д.

В карельской эпической песне «Животные-помощники» герой расчёсывает волосы на огромном сером камне; гребешок его падает в море. Герой последовательно просит волка, лису и щуку найти гребешок, для чего каждый раз перескакивает с серого камня на синий и обратно. Помогает ему только щука: достаёт гребешок из моря (Там же: 276–277).

Финский *Sininen kivi* встречается в заклинаниях. Внутри камня скрывается змей — персонификация дьявола. В одном из вариантов «Калевалы» Вяйнямейнен раскалывает синий камень пополам и убивает чёрную змею. Он также просит дочь Туони, деву потустороннего мира, собирать боли в пасть синего камня (Алквист 2006: 11), в русском переводе — в пасть голубого камня (Калевала 1956: Руна 45, 247).

В других жанрах фольклора прибалтийских финнов, как и у славян, Синий камень также встречается и часто бывает связан с водой. В эстонской сказке герой попадает в подводное царство и в поисках пропавшей девушки доходит до дома водяного из синего камня (Александров 2000: 122).

Безусловно, наши подсчёты употребления сочетания слов *синий камень* в русском и прибалтийско-финском фольклоре не претендуют на то, чтобы быть статистически значимыми, и не могут быть основанием для каких-либо окончательных выводов. Однако они указывают на определённую возможность искать истоки «популярности» названий и культа Синих камней на Русском Северо-Западе. Здесь стоит упомянуть недавно изданную монографию В. Г. Мизина, в которой есть краткий обзор новых находок камней синего цвета в Северо-Западном регионе России, в том числе в Ленинградской обл. Эти камни ещё мало изучены, но есть предположение, что они были культовыми (в частности, один из них сохранился до сих пор, считается целебным, и с ним связаны интересные предания) (Мизин 2014: 208–214).

Русский Северо-Запад?

Совокупность приведённых выше сведений о происхождении названий и культа Синих камней и об их ареале позволяет нам дополнить мерянскую гипотезу, выдвинув гипотезу прибалтийско-финскую, и показать, что они не противоречат друг другу.

На картах в работах А. К. Матвеева и Е. А. Хелимского рядом с северо-западной границей исторических мерянских земель остаётся белое пятно. Это древняя территория прибалтийских финнов — современные Ленинградская, Новгородская, Псковская области и часть Тверской. Именно с этих земель началась в V–VI вв. восточнославянская колонизация Северо-Запада; словене и кривичи вступили в контакт с местным населением — различными прибалтийско-финскими

племенами, которые в течение последующих веков почти полностью славянизировались. Исследование гидронимии указанной территории выявило около 60 субстратных финно-угорских названий, большая часть из которых прибалтийско-финского происхождения; кроме того известно влияние прибалтийско-финского языкового субстрата на северо-западные русские говоры (Агеева 2004: 209–234).

Некоторые из гидронимов данного района имеют параллели в волжско-финских языках и в субстратной гидронимии Русского Севера (Архангельская обл. и др.), что подтверждает наблюдения учёных — сторонников мерянской гипотезы: взаимопроникновение волжско-финских и прибалтийско-финских названий.

Одновременно с целым рядом субстратных финно-угорских гидронимов было выявлено в этом регионе значительное количество (почти равное) названий балтийского происхождения (как западно-балтийского, так и восточнобалтийского), а также более древних индоевропейских названий (Там же: 185–208). Этот вопрос в данной статье мы оставляем в стороне, хотя он был бы небезынтересен для темы происхождения культа Синих камней: у кого славяне заимствовали этот культ — у финно-угров или балтов?

Однако в данный момент даже постановка этого вопроса преждевременна, так как в работах археологов нет единого мнения насчёт присутствия древних балтов на Русском Северо-Западе, а также не сопоставлена хронология заселения этой территории финно-уграми и балтами; неясны взаимоотношения обоих этносов, а в гидронимических исследованиях неясно, что именно считать субстратом, а что, возможно, субсубстратом для славянской гидронимии. По этой причине на данном этапе следует остановиться на том предположении, что культ именно *Синих камней* (в дополнение или в отличие от общеславянского культа *Белого камня*) возник у славянского населения Русского Северо-Запада под влиянием прибалтийских финнов. Серьёзным аргументом в пользу подобного предположения может служить не только историческая территориальная близость славянского населения этого региона к землям эстов, води, финнов, вепсов, карел и др., и не только наличие в регионе прибалтийско-финской субстратной гидронимии, но и заметное преобладание символики синего цвета и образа *Синего камня* в прибалтийско-финском фольклоре и мифологии.

Возможно, что и некоторые русские эпические произведения, созданные в Новгороде в XII–XV вв. и распространившиеся в результате миграций новгородцев на Севере, также испытали влияние местного прибалтийско-финского населения. Садко сидит на синем камне на берегу Ильмень-озера — а цикл былин о Садке определённо начинался в Новгороде, как и цикл былин о Василии Буслаевиче, в которых

тоже действует синий камень. Более того: в былинах о Добрыне Никитиче, которые фольклористы относят к киевскому циклу, отмечаются мотивы новгородского происхождения (Смирнов, Смолицкий 1978: 333). В этих былинах фигурирует *серый камень*, но по своим функциям здесь он аналогичен синему камню и может его заменять.

Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что *Синие камни* в ряде случаев служат своеобразными индикаторами не только мерянского, но и прибалтийско-финского влияния на возникновение культа подобных камней у русских, из чего следует, что культ Синих камней был общим для обеих ветвей финно-угров. Даже территориально оба ареала смыкаются на западе и на севере, а местами и перекрывают друг друга. По-видимому, в верованиях и представлениях мерян и прибалтийских финнов сохранилось общее культурное наследие прафинно-волжской эпохи, которая длилась приблизительно до середины I тыс. до н.э. (Хайду 1985: 173, рис. 1).

Перспективы исследований

Поиски новых Синих камней в ходе археологических, этнографических, фольклорных, топонимических экспедиций могут принести неожиданные результаты и скорректировать представление о древнем ареале этих культурно-исторических памятников. Синие камни могут дать дополнительный материал для изучения исторической географии и этнической истории древних славян, балтов и финно-угров, а может быть, и некоторых других народов.

Выявленные Синие камни в дальнейшем могут быть сопоставлены с другими камнями той же или соседней территории, носящими цветные обозначения символического характера. В этом отношении следует, например, обратить внимание на некоторые наблюдения финской исследовательницы А. Алквист, много работавшей на Русском Севере. Она отметила, что в северных русских областях *Синий камень*, вероятно, заменил собой *Чёрный камень*, а чёрный цвет является вторым членом оппозиции *белый ~ чёрный* в представлениях славян. А. Алквист указывает на одно из значений слова *синий*: 'чёрный, грязный'. В то же время при полевых исследованиях на Севере *Чёрные камни* у русских не были выявлены, хотя есть ряд случаев, когда смежная с *Синим камнем* местность или река носят названия, связанные с русским словом *чёрный*. То есть можно предположить, что первоначально речь шла именно о *Чёрном*, а не о *Синем* камне, тем более что в Финляндии имеются десятки названий типа *Mustakivi* 'чёрный камень', ср. также в «Калевале»: внутри *Синего камня* — чёрная змея с чёрной кровью.

Другое наблюдение А. Алквист касается соотношения *Белых* и *Синих* камней: количество *Белых* камней меньше *Синих* камней, но рас-

пространены *Белые* камни параллельно там, где частотность *Синих* камней большая. Автор считает этот факт внеязыковым подтверждением своей гипотезы о замене *Чёрного* камня *Синим* камнем. (Алквист 2006: 13). Добавим к этому, что при исследовании на местности может оказаться так, что «параллельное» распространение Белых камней и Синих камней будет служить свидетельством чересполосного проживания русского и финского населения, что важно для изучения истории заселения края и путей восточнославянской миграции на Север.

Ареал названий *Синие камни* может быть расширен в южном направлении, ср. новые находки таких петронимов в Тульской, Липецкой, Нижегородской областях. Территория Среднего Поволжья и Прикамья тоже перспективна для исследования с точки зрения мерянской гипотезы: там проживают другие волжские финны — мордва и марийцы. В то же время стоит обратить внимание и на Зауралье, Западную и Восточную Сибирь, имея в виду этногенез и этническую историю народов, говорящих на языках уральско-юкагирской и алтайской макросемей, а также их верования, культ камня и цветовую символику. В этом направлении петронимы, в том числе Синие камни, по-видимому, ещё специально не изучались. К примеру, по устному сообщению иркутского геолога и топонимиста С. А. Гурулёва, *Синие камни* в Прибайкалье не зафиксированы, в то время как в Иркутской обл. и Бурятии известно довольно большое количество гидронимов и названий гор с цветовым эпитетом *синий* (названия на бурятском, эвенкийском и др. языках, в том числе в русском переводе). См. также (Гурулёв 2012; ТСЭБ). Отсутствие при этом Синих камней маловероятно, поскольку синий (или сине-зелёный) цвет широко распространён, символичен и характерен для культуры монгольских и других народов Центральной и Юго-Восточной Азии (см. Приложение).

Помимо исследований лингвогеографического порядка, следует уточнить хронологию и этапы заселения Русского Севера и Северо-Запада финно-уграми и балтами, а также рассмотреть другие гипотезы возникновения культа Синих камней у восточных славян (например, есть предположения о заимствовании этого культа славянами у тюрков, у народов Кавказа).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Типологические параллели

Народы Кавказа

Представления о Синем камне ярко отразились в легендах о сотворении мира, причём ареал этих легенд довольно широк. Известно, что на мифы о сотворении мира, бытующие у ряда народов, повлияло учение манихеев, распространившееся в Средние века в Европе и Азии. Оно отличалось дуализмом, то есть утверждало, что

мир создавался Богом и Сатаной на равных началах. Вот что говорит об этом грузинская (сванская) легенда:

«Сначала мир был объят водой. Бог — творец земли в то время находился в скале вселенной. В один день он выскочил из скалы вселенной и прыгнул в воду. В воде стало ему холодно, он вздрогнул и уронил две слезы из глаз. Эти две слезы превратились в архангелов Михаила и Гавриила, из которых первый всегда стоит по правую руку бога, а второй — по левую.

Бог всё глубже опускался в воду и стал тонуть. В тот час архангелы Михаил и Гавриил подхватили его и подняли наверх. Втроём они старались осушить воды и сделать видимой землю. Стали они все втроём дуть на воду и наконец обнажили морское дно, ступив на песок. Тут заметили они чей-то след. Бог повелел:

— Давай пойдём по этому следу, посмотрим, куда поведёт он нас и кому он принадлежит.

Согласились ангелы и пошли по этому следу, который привёл их под синий камень. Подняли камень, из-под него выскочил Самаал [Самуэль, то есть Сатана]. Схватил он бога за горло и хотел его задушить. Тошно стало богу, попросил он помощи у ангелов, но никак не могли они вырвать его из рук Самаала. Делать было нечего, бог попросил Самаала:

— Отпусти только и проси чего хочешь.

— Ничего не хочу иного, побратайся со мной.

Согласился бог. Отпустил его Самаал и пошёл себе своей дорогой».

Далее бог с двумя ангелами отделяет сушу от воды; вначале у них ничего не получается, но с помощью советов Самаала, побратима бога, им удаётся создать землю (ГНПЛ: 257).

С Синим камнем на Кавказе связывают также женское начало (объяснение зачатия, идущее от архаического мышления): зарождение жизни якобы происходит в синем камне (Чеснов 2011: 123–124).

Предки некоторых народов Кавказа, по-видимому, придавали большое значение цветовой символике камня, что, в частности, отразилось в артефактах, найденных в погребальных памятниках эпохи бронзы (могильниках, курганах). Одним из атрибутов так называемых *оленных камней* были *оселки* (точильные камни), для изготовления которых применялись разные породы камня — от песчаника до самых твёрдых. «Предпочтительно употребляли камень серо-голубого, сизого и серого цвета. Помимо своего прямого, рабочего назначения оселки играли и какую-то культовую роль. В чечено-ингушском богатырском эпосе фигурируют великаны Гарбаши, которые заживляли полученные в битве раны, потеряв их волшебными оселками, которые имелись у них» (Членова 1984: 85). До сих пор у черкесов в некоторых районах сохранилась клятва: «клянусь кусочком серого (голубого) камня», а в абазинских

сказаниях нарты клянутся «нашим нартским серым камнем» (Инал-Ипа 1976: 150–151). Исследователи отмечают другие значения у слова *уаихо* ‘клятва’ и других родственных слов в языках Кавказа: ‘гром, молния’.

Кстати, о нартском сером камне. В осетинских сказаниях упоминается серый камень, или Камень забвения горя, на Нихасе (месте общего собрания нартов). На этот камень ложился лицом вниз Урызмаг — один из главных и старейших героев эпоса, и подолгу, не вставая, лежал на нём. Урызмаг горевал о своём маленьком сыне, о существовании которого не знал, но которого он встретил на дне моря в доме родовых предков Донбеттыров и случайно убил его (ОНС). Серый камень здесь подобен Синему камню, который тоже может быть символом горя, несчастья.

Китайцы, монголы, тюрки

В традиционной культуре ряда народов Центральной и Юго-Восточной Азии синий и зелёный цвета практически не различаются. В Китае сине-зелёный цвет имеет следующие опорные цвета: 1) зелёный, прилагается к растительности (листья, трава, иглы вечнозелёных деревьев, но может употребляться и для обозначения чёрных волос), также олицетворяет стихию воды и женское космическое начало; 2) синеголубые цвета (синий — также волосы или шерсть животных; в этом случае сизый цвет). Символы Неба и небесного простора, но могут применяться и к воде, как правило, к морским волнам; 3) цвета бирюзовой гаммы.

У монголов, как и у китайцев, понятия синего и зелёного были взаимозаменяемы. «Зелёный рассматривался как порождение синего. Синий цвет символизирует древнее верование монголов тенгрианство, почитание Неба. Монголы потому называют себя синими: *Хөх Монгол*, голубой цвет флага Монголии — цвет безоблачного неба страны. Синим цветом отмечается мужская западная половина юрты, где хранились боевые доспехи и охотничьи ружья, предметы упряжи, конская сбруя. Будучи цветом неба и воды, он символизирует вечность, бесконечность» (Гармаева рукопись; 2008; 2011). Для тюркских народов также характерна взаимозаменяемость синего и зелёного цветов. В алтайском героическом эпосе «Албынжи» персонажи превращаются в камни разного цвета. Богатырский конь Хара-Хулат, уйдя по колено в землю, «стоит без движения, окаменелый, превращённый проклятием в камень белый». А его хозяин — «Стал Хулатай, богатырём рождённый, с человеческим обликом камнем зелёным» (Албынжи 1984: 10). Интересно, что когда сестра Хулатая Чарых-кёёк с помощью магии пытается оживить обоих, её окаменевший брат описывается как синий камень с мужской головой.

Индейцы майя

В древней поэзии юкатанских майя сохранились сведения о некоторых обрядах, связанных с символикой синего цвета (записано в

1440 г., известна копия «Песен из Ц'итбальче», датируемая первой половиной XVIII в.). Так, в синий или голубой цвет окрашивались каменная колонна, к которой привязывался пленник, предназначенный к жертвоприношению, тело пленника и украшавшие его цветы бальче. Игуаны голубого цвета неизменно приносились в жертву. Синей краской у майя окрашивались камни, употреблявшиеся для прорицаний, статуи божеств и др. Возможно, эти обычаи были связаны с культом Ицамны — бога неба у майя (Кинжалов 1970: 88–89).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева 1982 — *Р. А. Агеева*. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (На восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Агеева 1993 — *Р. А. Агеева*. Цветовые обозначения в онимах разных классов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25. Ономастика. Кн. 1, Ч. 1. М., 1993.
- Агеева 2004 — *Р. А. Агеева*. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. М., 2004.
- Албынжи 1984 — Албынжи: Хакасское героическое сказание. Красноярск, 1984.
- Александров 2000 — *А. А. Александров*. Волшебные камни в народных сказках // Отечество. М., 2000. Вып. 18.
- Алквист 1995 — *А. Алквист*. Синие камни, каменные бабы // *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja*. Helsinki. 1995. 86.
- Алквист 2006 — *А. Алквист*. Культовые камни на земле древних мерян // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2006. № 1.
- Бадаланова 1993 — *Ф. Бадаланова*. Апокрифический текст и фольклорный контекст (или «мытарства» и «перевоплощения» Эпистолии о неделе) // *XI. medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé*. Bratislava, 1993.
- Барбашов 1998 — *Е. Р. Барбашов*. Загадка «синего» камня // Белёвская правда. 12.11.1998. № 127.
- Барбашов 1999 — *Е. Р. Барбашов*. Из истории христианизации Белёвского края // По следам минувшего. Белёв, 1999.
- Баскаков 1980 — *Н. А. Баскаков*. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980.
- Бахилина 1975 — *Н. В. Бахилина*. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- Былины 1957 — Былины. М., 1957.
- Васильевичюс 2009 — *Л. Васильевичюс*. Камни чародеев. Очерк типологии и мифологии священных камней балто-славянского региона // Платов А. В. Мегалиты Русской равнины. Приложения. М., 2009.

- Виноградов, Громов 2006 — В. В. Виноградов, Д. В. Громов. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. 2006. № 6.
- Гармаева 2008 — Н. И. Гармаева. Символика цвета в Монголии, Китае и Индии // Вестник молодых учёных. Улан-Удэ, 2008.
- Гармаева 2011 — Н. И. Гармаева. Структурно-семантическая характеристика монгольских оронимов с цветовым компонентом // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. Филология. Улан-Удэ, 2011. Вып. 10.
- Гармаева рукопись — Н. И. Гармаева. Цветовая символика в лингвокультуре Китая и Монголии. Рукопись.
- ГНПЛ — Грузинские народные предания и легенды. М., 1973.
- Григорьева 2006 — Г. Г. Григорьева. От радостей познания — к плодам просвещения // Время, оставшееся с нами: Филологический факультет в 1955–1960 гг.: Воспоминания выпускников. М., 2006.
- Гурулёв 2012 — С. А. Гурулёв. Реки бассейна Байкала: историко-топонимический анализ. Иркутск, 2012.
- Добрыня 1974 — Добрыня Никитич и Алёша Попович. М., 1974.
- Дубов 1990 — И. В. Дубов. Культурный «синий камень» из Клещина // Язычество восточных славян. Сб. науч. трудов. Л., 1990.
- Ермаков 2010–2011 — С. Э. Ермаков. Некоторые новые данные о Синькамне и Александровой горе // Аномалия. 2010. № 4; 2011. № 1.
- Иванов 1981 — Вяч. Вс. Иванов. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: К названию Белоруссии // Балто-славянские исследования—1980. М., 1981.
- Иванов, Топоров 1965 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие системы (древний период). М., 1965.
- Иванов, Топоров 1974 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Инал-Ипа 1976 — Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
- Калевала 1956 — Калевала. Карельские руны, собранные Э. Лённротом / Пер. с фин. А. А. Бельский. М., 1956.
- Карабанай и др. 2011 — А. К. Карабанай, В. Ф. Винакурай, Л. У. Дучыц, Э. М. Зайкоўскі, Ё. Я. Клімковіч. Культывыя і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск, 2011.
- Кинжалов 1970 — Р. В. Кинжалов. «Песни из Ц'итбальче» как этнографический источник // Фольклор и этнография. Л., 1970.
- Комаров 2003 — К. И. Комаров. Древние боги Ярославской земли // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2003. Вып. 14.
- Курбатов 2002 — А. В. Курбатов. Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.
- КЭП — Карельские эпические песни. М.–Л., 1950.

- Ляўкоў 1992 — Э. А. Ляўкоў. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992.
- Мікратапанімія 1974 — Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы. Мінск, 1974.
- Маланин 2000 — И. Д. Маланин. Материалы для «Энциклопедии древнего камня» // Краеведческая мысль. М., 2000. I.
- Маланин 2001 — И. Д. Маланин. Предварительная проверка некоторых историко-культурных камней в 1999–2000 гг. // Географическое краеведение. Мат-лы III Всерос. науч.-практич. конф. по географическому краеведению. Владимир, 24–25 янв. 2001 г. Владимир, 2001.
- Маланин 2004 — И. Д. Маланин. Материалы разведки Синих камней Подмосковья в 2003 году // Краеведение и регионоведение. Межвуз. сб. науч. трудов. Владимир, 2004. Ч. 1.
- Маланин 2008 — И. Д. Маланин. Синий камень в Строгино // Аномалия, 2008. № 2.
- Маланин 2015 — И. Д. Маланин. Материалы по легендарным и культовым камням в Нижегородском крае // Современные гуманитарные исследования. М., 2015. № 1 (62).
- Матвеев 2006 — А. К. Матвеев. Ономатология. М., 2006.
- Мизин 2014 — В. Г. Мизин. Культовые камни и сакральные места. СПб., 2014.
- Муллонен 2006 — И. И. Муллонен. Маркировка границы в топонимии Заонежья // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Мурзаев 1999 — Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. 2-е изд. Т. 1–2. М., 1999.
- Найт, Ломас 2006 — К. Найт, Р. Ломас. Машина Уриила. М., 2006.
- НБ — Новгородские былины. М., 1978.
- Окот п'Битек 1979 — Окот п'Битек. Африканские традиционные религии. М., 1979.
- ОНС — Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948.
- Панченко 1990 — А. А. Панченко. Почитаемые камни, родники и деревья как историко-культурный источник // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. научн. конф. Новгород, 1990. Вып. 3.
- Подольская 1988 — Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988.
- Раденкович 1989 — Л. Раденкович. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
- Рогалёва 1992 — С. Б. Рогалёва. Арсеновские находки (К вопросу о культе камня в Верхнем Поволжье) // Иваново-Вознесенский край: история и современность. Мат-лы II обл. краеведч. конф. Иваново, 26 марта 1992. Иваново, 1992.
- Рогалёва 1993 — С. Б. Рогалёва. Легенды и предания о культовых камнях в Ильинском районе Ивановской области // Плёсский сборник. Плёт, 1993. Вып. 1.

- Романов 1894 — *Е. Р. Романов*. Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск, 1894.
- Седов 2003 — *В. В. Седов*. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7.
- Смирнов, Смолицкий 1978 — *Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий*. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины. М., 1978.
- Сумцов 1888 — *Н. Ф. Сумцов*. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888.
- Тарасенко 2000; 2003 — *П. Тарасенко*. Камни древнего культа Литвы // Краеведческая мысль. I. М., 2000; Там же. II. М., 2003.
- Толстой 1995 — *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е. М., 1995.
- ТСЭБ — Топонимический словарь этнической Бурятии. Улан-Удэ, 2007.
- Тэйлор 1939 — *Э. Тэйлор*. Первобытная культура. М., 1939.
- Федотова 1987 — *Т. П. Федотова*. Вокруг Ростова Великого. М., 1987.
- Хайду 1985 — *П. Хайду*. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хелимский 2006 — *Е. А. Хелимский*. Северо-западная группа финно-угорских языков и её субстратное наследие // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2006. № 3.
- Чернецова 2008 — *С. Б. Чернецова*. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории Ярославского, Ивановского и Костромского Поволжья // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: Мат-лы заочной межрег. университет. конф. 20 янв. 2007 г. Ярославль, 2008.
- Чеснов 2011 — *Я. В. Чеснов*. Человек и камень в традиционной культуре // Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество. СПб., 2011.
- Членова 1984 — *Н. Л. Членова*. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.
- Шилов 2006 — *А. Л. Шилов*. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Шорин 1989 — *М. В. Шорин*. О цветовой символике в связи с интерпретацией культовых камней // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989.
- Шукуров 1993 — *Ш. М. Шукуров*. Храм и храмовое сознание (К проблеме феноменологии архитектурного образа) // Вопросы искусствоведения. 1993. № 1.
- Childe 1951 — *V. G. Childe*. The social evolution. New York, 1951.
- Dambe 1990 — *V. Dambe*. Latvijas apdzīvoto vietu un to iedzīvotāju nosaukumi. Rīga, 1990.
- Endzelīns 1981 — *J. Endzelīns*. Darbu izlase. Rīga, 1981. IV. sēj. 1. daļa.
- Vanagas 1981 — *A. Vanagas*. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Руфь Александровна АГЕЕВА

: ruf09382008@yandex.ru

кандидат филологических наук, заместитель председателя Топонимической комиссии Московского отделения Российского географического общества

Петр Михайлович АРКАДЬЕВ

: alpgurev@gmail.com

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент Института лингвистики РГГУ (Москва)

Римантас Бальсис (Rimantas Balsys)

: Rimantas.Balsys@ku.lt

доктор гуманитарных наук, профессор, декан Факультета социальных и гуманитарных наук Клайпедского университета (Литва)

Татьяна Бартеле (Tatjana Bartele)

: tmb@inbox.lv

доктор истории, ведущий исследователь Рижской высшей школы экономики, искусств и технологий (Латвия)

Вацлав Блажек (Václav Blažek)

: blazek@phil.muni.cz

хабилированный доктор филологии, профессор Университета им. Масарика (Брно, Чехия)

Сергей Григорьевич Болотов

: baltaitis@yandex.ru

научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Скирмантас Валянтас (Skirmantas Valentas)

доктор гуманитарных наук, профессор : skirmantas.valentas@gmail.com
Шяуляйского университета (Литва)

Бьёрн Вимер (Björn Wiemer)

: wiemerb@uni-mainz.de

хабилированный доктор филологии, профессор Майнцского университета имени Иоганна Гутенберга (Германия)

Татьяна Васильевна Володина (Тацяна Васільеўна Валодзіна)

доктор филологических наук, заведующая отделом : tanja_volodina@tut.by
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси

Владимир Антонович Дыбо

: vdybo@mail.ru

доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Илья Борисович Иткин

: ilya.borisovich.itkin@gmail.com

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Школы филологии, Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва)

Юозас Карацейус (Juozas Karasiėjus)

доктор филологии (Вильнюс, Литва)
Baltistikos katedra, Vilniaus universitetas, Universiteto g. 5, LT-01513, Vilnius

Кирилл Александрович Кожанов

: kozhanov.kirill@gmail.com

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

- Сергей Александрович Крылов** ✉: krylov-58@mail.ru
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН (Москва)
- Нийоле Лауринкене (Nijolė Laurinkienė)** ✉: nlaurinkiene@yahoo.com
хабилированный доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Владимир Александрович Лобач (Уладзімір Аляксандравіч Лобач)**
доктор исторических наук, профессор ✉: nordic972@gmail.com
Полоцкого государственного университета (Беларусь)
- Евгения Львовна Назарова** ✉: ezis08@gmail.com
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Сергей Львович Николаев** ✉: sergenicko@mail.ru
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)
- Михаил Владимирович Ослон** ✉: neoakut@gmail.com
кандидат филологических наук (Львов, Украина)
- Владимир Яковлевич Петрухин** ✉: vladimir.petrukhin@gmail.com
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)
- Дайнюс Разаускас (Dainius RAZAUSKAS)** ✉: dainius.razauskas@lnkc.lt
доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Михаил Николаевич Саенко** ✉: veraetatis@yandex.ru
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН
- Елена Анатольевна Сведенцова** ✉: svedentsova@gmail.com
лаборант-исследователь Лаборатории моделирования речевой деятельности
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
- Рамуне Шмигельските-Стукене (Ramunė Šmigelskytė-Stukienė)**
доктор гуманитарных наук, ✉: smigelskyte.stukiene@gmail.com
старший научный сотрудник Института истории Литвы (Вильнюс)
- Аксана Эркер (Aksana ERKER)** ✉: aksana.erker@gmx.de
доктор филологии, доцент языковой Академии
и Академии для детей (Кирхгейм, Германия)
- Артурас Юджентис (Artūras JUDŽENTIS)** ✉: arturas.judzentis@gmail.com
доктор гуманитарных наук, доцент
Вильнюсской художественной академии (Литва)

Научное издание

Балто-славянские исследования

XX

Сборник научных трудов

Подписано в печать 14.12.2019.

Формат 60 × 90¹/16.

Гарнитуры:

Times New Roman

© 2017 The Monotype Corporation (Monotype Imaging, Inc.)

(дизайн: Monotype Type Drawing Office — Stanley Morison, Victor Lardent, 1932).

Їзнітса © 2009 ParaType, Inc.

(дизайн: НПО «Полиграфмаш» — Светлана Ермолаева, 1988)

Печ. л. 30. Усл. печ. л. 30,13. Уч.-изд. л. 27,07.

Бумага офсетная. Цифровая печать.

Тираж 300 экз.

Заказ № 7854.

Отпечатано с электронной версии в типографии ООО «Буки Веди».
115 093, г. Москва, М-93, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 2.

☎: +7-495-926 63 96, 8-800-333 42 06, 10:00 – 19:00.

Сайт: <http://www.bukivedi.com>; ✉: info@bukivedi.com.